

Глава первая

МАЛЬЧИК,
КОТОРЫЙ ОСТАЛСЯ ЖИВ

Мистер и миссис Дурслей, из дома № 4 по Бирючинной улице, гордились тем, что они, покорно благодарим, люди абсолютно нормальные. Трудно было вообразить, что они окажутся замешаны в делах необычных или загадочных – они не признавали всякой там чепухи.

Мистер Дурслей работал директором фирмы «Груннингс», которая выпускала сверла. Он был большой, грузный мужчина почти без шеи, зато невероятно усатый. Миссис Дурслей, тощая блондинка, обладала шеей удвоенной длины – и очень кстати, ибо эта леди часто и подолгу шпионила через забор за соседями. У Дурслеев имелся сынок по имени Дудли – и, по мнению родителей, на свет еще не рождался ребенок прекрасней.

У Дурслеев было все, чего можно пожелать, но не только; еще они хранили страшную тайну – и смертельно боялись, как бы кто-нибудь ее не раскрыл. Они бы, наверное, не пережили, если б кто-то узнал про Поттеров. Миссис Поттер доводилась миссис Дурслей родной сестрой, но они много лет не общались, и, правду говоря, миссис Дурслей помалкивала о сестричке, словно той и нет вовсе: ведь что она, что ее никчемный муженек – это же просто уму непостижимо! Чету Дурслеев в дрожь бросало при мысли о том, что скажут соседи, объявись Поттеры на их улице. Дурслей знали, что у Поттеров тоже есть сын, но никогда его не видели. Из-за сына от Поттеров следовало держаться еще дальше – не хватало, чтобы Дудли водился с такими детьми.

Когда мистер и миссис Дурслей проснулись скучным и серым утром во вторник – с которого и начинается наша история, – ничто в пасмурном небе за окном не предвещало грядущих загадок и тайн. Мистер Дурслей гудел что-то себе под нос, выбирая на работу галстук поскучнее, а миссис Дурслей весело сплетничала, запихивая орущего Дудли в высокий детский стульчик.

Никто не заметил большой серой совы, пролетевшей за окном.

В половине девятого мистер Дурслей взял портфель, клюнул миссис Дурслей в щеку и попытался клюнуть на прощание и сына, но промахнулся, ибо тот расскандалился и всю расшвыривал овсянку по стенам.

– Лапуля моя, – курлыкнул мистер Дурслей и шагнул за порог. Он сел в машину и задним ходом вырулил на Бирючинную улицу.

Нечто странное он впервые заметил на перекрестке – там кошка изучала карту. Он сначала даже не понял, что это было, – но потом резко обернулся. На углу Бирючинной улицы действительно стояла полосатая кошка, но без карты. Прибредится же... Наверное, игра света. Мистер Дурслей моргнул и воззрился на кошку. Кошка воззрилась на него. Он уже выехал на главную дорогу, но следил за кошкой в зеркальце заднего вида. Та читала на указателе название улицы – то есть нет, она *смотрела* на указатель, кошки не умеют читать *ни* карты, *ни* указатели. Мистер Дурслей встряхнулся и решительно выкинул кошку из головы. И всю дорогу до города думал единственно о крупном заказе

на сверла, который рассчитывал нынче получить.

Однако на подъезде к городу кое-что заставило мистера Дурслея позабыть и о сверлах. Стоя в ежедневной утренней пробке, он поневоле заметил, что кругом полно странно одетых людей. Людей в мантиях! Мистер Дурслей терпеть не мог вызывающей одежды – чего только на себя не напяливает нынешняя молодежь! Видно, мантия – последний писк какой-то кретинской моды. Он забарабанил пальцами по рулю, и взгляд его случайно остановился на кучке придурков, сгрудившихся совсем рядом. Те оживленно шептались, и мистер Дурслей с возмущением разглядел, что двое-трое в компании отнюдь не молоды! Наоборот, вон тот дед старше мистера Дурслея, а вырядился в изумрудно-зеленую мантию. Ни стыда ни совести! Но тут до мистера Дурслея дошло, что это какая-то хитрая уловка: видимо, сбор пожертвований... Да, наверняка. Машины наконец поехали, и через пару минут мистер Дурслей, весь в мыслях о сверлах, подкатил к стоянке «Груннингса».

В своем кабинете на девятом этаже мистер Дурслей всегда сидел спиной к окну.

Иначе тем утром ему было бы трудно сосредоточиться на работе. Он не видел, как мимо его окна одна за другой проносятся совы, – зато прохожие на улице видели; они раскрывали рты и тыкали вверх пальцами. Подумать, среди бела дня! Почти никому и ночью-то этих птиц видеть не доводилось. Рабочее утро мистера Дурслея между тем шло своим чередом, бессовно. Он наорал на пятерых подчиненных. Сделал несколько важных телефонных звонков. Поорал еще. А в обед, крайне довольный собой, решил выйти на улицу размяться и заодно купить булочку.

Он и не вспомнил бы про людей в мантиях, если бы возле булочной не наткнулся на новое сборище. Проходя мимо, мистер Дурслей гневно зыркнул на идиотов: они его почему-то нервировали. Компания, как и та, утренняя, о чем-то возбужденно шепталась – и, кстати, жестянок для пожертвований мистер Дурслей у них не приметил.

На обратном пути, сжимая в руке пакет с большим пончиком, он случайно услышал обрывки их разговора:

– Поттеры, все верно, именно так я и слышал...

– ...да-да, их сын, Гарри...

Мистер Дурслей замер. Его обуял страх. Он оглянулся и хотел было что-то сказать, но передумал.

Он помчался назад в контору, добежал до кабинета, рывкнул секретарше: «Не беспокоить!» – и почти уже набрал свой домашний номер, но вдруг остановился. Положил трубку, задумчиво погладил усы... Нет, это глупо. Поттер – не такая уж редкая фамилия. Наверняка существует масса людей по фамилии Поттер, у которых есть сын Гарри. Да и, если на то пошло, он не уверен, что племянника зовут Гарри. Он ни разу даже не видел мальчишку. Может, тот – Гаррет. Или Гарольд. К чему зря тревожить миссис Дурслей; чуть вспомнишь о ее сестре, бедняжка всегда расстраивается. Оно и понятно: если бы у *него* была такая сестра... Но все равно, эти мантии...

После обеда о сверлах думалось плохо, и, покидая контору в пять, взволнованный мистер Дурслей едва не сбил с ног прохожего.

– Извиняюсь, – буркнул он, не глядя на крохотного человечка, который споткнулся и чуть не упал. Мистер Дурслей не сразу осознал, что человечек одет в фиолетовую мантию.

При этом, чудом избежав падения, недомерок нисколько не огорчился. Напротив, весь просиял и воскликнул до того скрипуче, что на него обернулись прохожие:

– Не извиняйтесь, не извиняйтесь, дорогой сэръ, ибо сегодня ничто не омрачит моего счастья! Возрадуйтесь: Сами-Знаете-Кто наконец сгинул! Сегодня даже у вас, муглов, должен быть великий, великий праздник!

Старичок приобнял мистера Дурслея за талию – и унесся прочь.

Мистер Дурслей прирос к асфальту. Его только что обнял совершенно незнакомый человек. И еще его, кажется, обозвали муглом – что бы это ни означало. Мистер Дурслей в изрядном замешательстве поспешил к машине и скорее поехал домой, очень надеясь, что у него попросту разыгралось воображение. Никогда еще он не надеялся на подобное раньше, ибо не одобрял воображения как такового.

Подъезжая к дому, он сразу увидел – и настроение его не улучшилось – давешнюю полосатую кошку. Та сидела на ограде у его собственного дома. Наверняка та же самая: точно те же отметины вокруг глаз.

– Брысь! – громко сказал мистер Дурслей.

Кошка не шелохнулась. Лишь строго на него посмотрела. «Это что, нормально для кошки?» – нервно подумал мистер Дурслей, но постарался взять себя в руки и вошел в дом. Он был твердо настроен не впутывать в это дело жену.

Миссис Дурслей провела день совершенно нормально. За ужином она подробнее рассказала мистеру Дурслею о непослушной дочери миссис Пососедству и о том, что Дудли освоил новое выражение («Не хочу»). Мистер Дурслей старался вести себя как обычно. Когда Дудли наконец водворили в постель, мистер Дурслей отправился в гостиную к телевизору, как раз под конец выпуска новостей, и услышал:

– И последнее. Наблюдатели со всех концов страны сообщают, что сегодня совы вели себя весьма необычно. Эти птицы охотятся по ночам и практически никогда не выходят при дневном свете, однако сегодня были отмечены сотни случаев их появления. С самого рассвета совы так и сновали вокруг. Эксперты пока не находят разумного объяснения, отчего это совам вдруг вздумалось стать жаворонками... – Диктор позволил себе улыбнуться. – Крайне загадочно... Ну, а сейчас Джим Макгаффин

с прогнозом погоды. Что, будут у нас вечером совопады, Джим?

– Об этом, Тед, – ответил метеоролог, – мне ничего не известно, однако сегодня не одни только совы вели себя неестественно. Телезрители Кента, Йоркшира, Данди – отовсюду – целый день звонили и сообщали, что вместо ливня, который я обещал вчера, у них прошел метеоритный дождь! Похоже, народ уже начал праздновать Ночь Гая Фокса. Рановато, друзья, она лишь на следующей неделе... Но, кстати, сегодня ночью дождь я гарантирую.

Мистер Дурслей так и застыл в кресле. Метеоритные дожди по всей Британии? Совы средь бела дня? Станные люди в мантиях? И еще этот шепоток – шепоток про Поттеров...

Миссис Дурслей вошла в гостиную с двумя чашками чая. Нет, так не годится. Надо ей рассказать. Он прокашлялся.

– Э-э-э... Петуния, дорогая... к слову... про сестру твою ничего не слышно?

Как он и ожидал, миссис Дурслей разволновалась и рассердилась. Ведь у них было принято делать вид, что никакой сестры не существует.

– Нет, – резко ответила она. – А что?

– Да тут всякую ерунду передают в новостях, – промямлил мистер Дурслей. – Совы... метеоритный дождь... а еще в городе полно чудных людей...

– И что? – перебила миссис Дурслей.

– Ну, я подумал... а вдруг... вдруг это как-то связано с... ну, ты понимаешь... с ее гоп-компанией.

Миссис Дурслей, поджав губы, тянула из чашки чай. Мистер Дурслей колебался: говорить или нет, что сегодня на улице он слышал имя Поттеров? Нет, пожалуй, он не осмелится. И он спросил как можно равнодушнее:

– А их сын... Он ведь по возрасту примерно как наш Дудли?

– Вроде бы, – процедила миссис Дурслей.

– А как там его? Говард?

– Гарри. Отвратное, простонародное имя!

– Да-да, – сказал мистер Дурслей. У него прямо-таки оборвалось сердце. – Абсолютно с тобой согласен.

Больше он ничего не сказал, и супруги отправились спать. Пока миссис Дурслей умывалась, мистер Дурслей на цыпочках подкрался к окну и выглянул в сад. Кошка по-прежнему сидела на ограде. Она вни-

мательно смотрела на Бирючинную улицу и словно чего-то ждала.

Все-таки у него разыгралось воображение. Неужели и это связано с Поттерами? И если так... Если выплыло, что Дурслей в родстве с... Нет, такого он просто не вынесет.

Супруги легли в постель. Миссис Дурслей уснула немедленно, а мистер Дурслей лежал и думал, думал. Впрочем, перед отходом ко сну одна мысль его успокоила: даже если Поттеры и причастны к происходящему, он и миссис Дурслей здесь ни при чем. Поттерам прекрасно известно, что он и Петунья их не жалуют... Не хватало еще вляпаться в какую-нибудь историю, если есть куда вляпываться, конечно. Он зевнул и перевернулся на бок. Они тут совершенно ни при чем...

Как же он ошибался!

Мистер Дурслей погружался в беспокойный сон, а кошка на садовой ограде даже не зевнула ни разу. Она сидела неподвижно, как статуя, и неотрывно следила за дальним въездом на Бирючинную улицу. Кошка не шелохнулась, ни когда на соседней улице хлопнула дверца машины, ни когда мимо пролетели две совы. Впервые кошка пошевелилась лишь около полуночи.

На углу, за которым она наблюдала, появился человек – так неожиданно, будто выскочил из-под земли. Кошка повела хвостом и сузила глаза.

Подобного человека Бирючинная улица еще не видывала. Он был высок, худ и очень стар, судя по серебристым волосам и бороде, до того длинным, что хоть затычкой за пояс. Одет он был в длинную мантию и ниспадавший до земли пурпурный плащ, а обут в башмаки с пряжками и на высоких каблуках. Голубые глаза ярко искрились под очками со стеклами-полумесяцами, а длинный нос был до того крючковат, будто его минимум дважды ломали. Звали этого человека Альбус Думбльдор.

Он, по всей видимости, не сознавал, что все в нем, от имени до башмаков, неприемлемо для обитателей Бирючинной улицы. Он озабоченно рылся в складках плаща и что-то искал. Но все же почувствовал, что за ним наблюдают, – и неожиданно вскинул взгляд на кошку, по-прежнему пристально смотревшую с другого конца улицы. Непонятно почему кошка позабавила его. Думбльдор хмыкнул и пробормотал:

– И как это я не догадался?

Он нашел во внутреннем кармане то, что искал: нечто вроде серебряной зажигалки.

Открыл, поднял, щелкнул. Ближайший уличный фонарь, тихо чпокнув, потух. Думбльдор снова щелкнул – и следующий фонарь, поморгав, погас. Двенадцать раз щелкал мракёр, и наконец на всей улице осталось лишь два далеких огонька – кошкины глаза, светившиеся в темноте. Никто, даже остроглазая миссис Дурслей, выгляни она сейчас на улицу, ничего бы не разглядел. Думбльдор сунул мракёр обратно под плащ и зашагал к дому № 4. Там он сел на ограду рядом с кошкой и, не оборачиваясь, сказал:

– Вот так встреча, профессор Макгонаголл.

Он хотел было улыбнуться полосатой кошке, но та исчезла. Вместо нее Думбльдор улыбался женщине довольно строгого вида, в квадратных очках той же формы, что и отметины вокруг кошкиных глаз. Женщина – тоже в плаще, но изумрудном, и с черными волосами, стянутыми на затылке в тугой пучок, – была явно на взводе.

– Как вы догадались, что это я? – спросила она.

– Моя дорогая, я ни разу не видел, чтобы настоящие кошки так каменели.

– Окаменеешь за целый день на холодном кирпиче, – ворчливо отозвалась профессор Макгонаголл.

– За целый день? Вместо того чтобы праздновать? По дороге сюда я видел по меньшей мере десяток пиршеств.

Профессор Макгонаголл недовольно фыркнула.

– О, конечно, все празднуют, – бросила она недовольно. – Казалось бы, надо поосторожней, так нет, даже муглы что-то заметили. Это было у них в новостях. – Она кивнула на дом Дурслеев и темное окно гостиной. – Я слышала. Стаи сов... метеоритный дождь... А что вы хотите, они же не дураки. Не могли не заметить. Метеоритный дождь в Кенте! Голову даю на отсечение, это фокусы Дедала Диггла. Никогда не отличался здравым смыслом.

– Ну-ну, не сердитесь, – мягко укорил Думбльдор. – За последние одиннадцать лет нам до обидного редко приходилось радоваться.

– Знаю, – раздраженно ответила профессор Макгонаголл. – Но это не повод терять голову. Все развеселились как дети! Разгуливают среди бела дня по улицам, даже не потрудившись одеться как муглы, и шушукуются о *таких* вещах!

Она пронзительно посмотрела на Думбльдора, словно надеясь что-то от него услышать, но он молчал, и она продолжила:

– Очень было бы интересно: Сами-Знаете-Кто сгинул, и тут как раз муглы узнают о нас!.. Он ведь и правда *сгинул*, да?

– Очень на то похоже, – ответил Думбльдор. – Так что у нас есть повод. Хотите лимончик?

– *Что?*

– Лимончик. Это такая мугловая карамелька, мне они очень нравятся.

– Нет, спасибо, – произнесла профессор Макгонаголл неодобрительно: до карамелек ли? – Так вот, хотя Сами-Знаете-Кто сгинул...

– Моя дорогая, вы же разумный человек и конечно же можете называть его по имени! А то – «Сами-Знаете-Кто»... Глупости! Одиннадцать лет добиваюсь, чтобы его называли настоящим именем: Вольдеморт.

Профессор Макгонаголл вздрогнула, но Думбльдор как раз отлеплял одну карамельку от другой и ничего не заметил.

– Все только запутывается от этого «Сами-Знаете-Кто». Не понимаю, почему все боятся произносить имя Вольдеморта.

– Вы-то не понимаете, – сказала профессор Макгонаголл с досадой и восхищением, – да только вы – не все. Известно ведь, что Сами-Знаете... Ну хорошо, что *Вольдеморт* вас одного и боится.

– Вы мне льстите, – спокойно ответил Думбльдор. – Вольдемоорт умеет такое, до чего мне никогда...

– До чего вы никогда не опуститесь.

– Хорошо, что сейчас темно. Я так не краснел с тех пор, как мадам Помфри похвалила мои новые меховые наушники.

Профессор Макгонаголл пронзила Думбльдора острым взглядом:

– Совы – ерунда, пусть себе носят. Но вот слухи... Слышали, о чем все говорят? Почему он сгинул? И что его в конце концов остановило?

Было видно, что именно это волнует ее больше всего. Из-за этого она целый день просидела на холодной каменной ограде – ни в обличии кошки, ни после она еще не смотрела на Думбльдора так пристально. Что бы ни говорили «все», она ничему не поверит, пока этого не подтвердит Думбльдор. Тот между тем выбирал новую карамельку – и не ответил.

– *Говорят*, – не сдавалась профессор Макгонаголл, – что прошлой ночью Вольдемоорт объявился в Годриковой лощине. Пришел за Поттерами. И по слухам, Лили и Джеймс Поттеры... Лили и Джеймс... *погибли*.

Думбльдор склонил голову. Профессор Макгонаголл охнула.

– Лили и Джеймс... не могу поверить... не хотела верить... Как же так, Альбус...

Думбльдор похлопал ее по плечу.

– Ну-ну... ничего... – мрачно произнес он.

Профессор Макгонаголл продолжала, и голос ее дрожал:

– Это еще не все. Говорят, он пытался убить сына Поттеров, Гарри. Но – не смог. Не сумел убить маленького мальчика. Никто не знает, как и почему, но, говорят, когда ему не удалось убить Гарри, он вдруг словно бы потерял силу – и исчез.

Думбльдор хмуρο кивнул.

– Это... правда? – Профессор Макгонаголл даже запнулась. – После всего, что он сделал... столько погубил... не сумел убить ребенка? Поразительно... Чтобы именно это его остановило?.. Но как, во имя неба, Гарри выжил?

– Остается только гадать, – отозвался Думбльдор. – Может, никогда и не узнаем.

Профессор Макгонаголл достала кружевной платочек и промокнула глаза под очками. Думбльдор громко шмыгнул носом, вытащил из кармана золотые часы и сверился с ними. То были очень странные часы: двенадцать стрелок и никаких цифр на циферблате; вместо цифр по кру-

гу двигались маленькие планеты. Тем не менее Думбльдору они, видимо, говорили о многом, потому что вскоре он убрал часы в карман и промолвил:

– Огрид запаздывает. Это ведь он вам сказал, что я буду здесь?

– Да, – ответила профессор Макгонаголл, – и, я думаю, вы вряд ли объясните, почему именно здесь?

– Я собираюсь отдать Гарри его дяде и тете. Других родственников у него не осталось.

– Что? Людям из этого дома? – вскричала профессор Макгонаголл, вскакивая с ограды и тыча пальцем в дом № 4. – Думбльдор, как же можно! Я наблюдала за ними весь день... Они – полная наша противоположность. А их сын!.. Видели бы вы, как он орал и пинал мать ногами на улице – конфет требовал! И чтобы Гарри Поттер жил с ними?..

– Здесь ему будет лучше всего, – твердо сказал Думбльдор. – Его дядя и тетя все ему объяснят, когда он немного подрастет. Я написал им письмо.

– Письмо? – слабым голосом переспросила профессор Макгонаголл, вновь опускаясь на ограду. – Думбльдор, вы и правда полагаете, что все это можно растолковать

в письме? Таким людям его никогда не понять! Он будет знаменит – станет легендой – не удивлюсь, если в будущем сегодняшней день назовут Днем Гарри Поттера, – о нем напишут книги – его имя будет известно каждому ребенку!

– Именно. – Думбльдор серьезно поглядел на нее поверх очков. – И это любому вскружит голову. Еще ходить не умеешь, а уже знаменитость! Причем из-за того, о чем сам не помнишь! Разве вы не понимаете, насколько лучше, если он вырастет вдали от шумихи и узнает правду, лишь когда сможет сам во всем разобраться?

Профессор Макгонаголл хотела возразить, но передумала. Сглотнув, она сказала:

– Да-да, конечно, вы правы. Но как мальчик попадет сюда?

Она подозрительно оглядела плащ Думбльдора: не скрывается ли в складках ребенок?

– ОGRID привезет.

– Полагаете, это... *разумно* – доверять столь важное дело ОGRIDу?

– Я бы доверил ему свою жизнь, – ответил Думбльдор.

– Нет, он, конечно, человек добрый, хороший, – неохотно пояснила профессор Макгонаголл, – но, согласитесь, уж очень

безалаберный. И его всегда так и тянет...
Это еще что такое?

Низкий рокот взорвал тишину улицы. Думбльдор и профессор Макгонаголл заозирались, не понимая, откуда он приближается, и ожидая увидеть свет фар. Скоро рокот сделался оглушительным; они подняли головы к небу – и прямо оттуда на дорогу свалился огромный мотоцикл.

Мотоцикл был огромен, но казался крошечным под своим седоком, человеком раза в два выше и по крайней мере раз в пять толще обычного. Он был как-то непозволительно громаден и казался диким – кустистые черные лохмы и косматая борода, под которыми почти не видно лица, лапищи размером с крышку мусорного бака, ноги в кожаных сапогах, похожие на дельфинят-подростков. В громадных мускулистых руках гигант держал сверток из одеял.

– ОGRID, – с облегчением сказал Думбльдор. – Наконец-то. Где ты взял мотоцикл?

– Позаимствовал, профессор Думбльдор, сэр, – ответил гигант, осторожно слезая с седла. – У юного Сириуса Блэка.

– По дороге никаких неприятностей?

– Нет, сэр. Дом раздолбало, но мальчика удалось вытащить, пока муглы не понабежали. Он уснул над Бристолем.

Думбльдор и профессор Макгонаголл склонились над свертком. Внутри, еле видимый, спал младенец. Под угольно-черной челкой на лбу виднелся порез необычной формы – совсем как зигзаг молнии.

– Значит, сюда... – прошептала профессор Макгонаголл.

– Да, – отозвался Думбльдор. – Шрам останется на всю жизнь.

– А нельзя что-нибудь с этим сделать, Думбльдор?

– Даже если бы и можно, я бы не стал. Шрамы бывают полезны. У меня, например, шрам над левым коленом – в точности схема лондонской подземки... Что же, давай ребенка сюда, Огрид. Дело есть дело.

Думбльдор взял Гарри на руки и повернулся к дому Дурслеев.

– А можно... можно с ним попрощаться, сэр? – попросил Огрид. Он склонил большую лохматую голову над Гарри и поцеловал малыша. Поцелуй, вероятно, был очень колкий. После этого Огрид вдруг завыл раненым псом.

– Ш-ш-ш! – зашипела профессор Макгонаголл. – Разбудишь муглов!

– И-и-извиняюсь, – всхлипнул Огрид. Он извлек откуда-то громадный крапчатый

носовой платок и спрятал в нем физиономию. – Но я не могу-у-у! Лили с Джеймсом померли... А малыша Гарри отправляют к муглам...

– Да, да, это очень грустно, но ты уж возьми себя в руки, Огрид, не то нас заметят, – зашептала профессор Макгонаголл, осторожно похлопывая Огрида по руке.

Думбльдор меж тем перешагнул низенькую садовую ограду и направился к двери. Аккуратно положил Гарри на порог, достал из-под плаща письмо, сунул его в одеяльце и вернулся к своим. С минуту все молча глядели на крошечный сверток. Плечи Огрида вздрагивали, профессор Макгонаголл отчаянно моргала, а свет, обычно струившийся из глаз Думбльдора, как будто потух.

– Что ж, – сказал наконец Думбльдор. – Вот и все. Здесь нам больше делать нечего. Идемте праздновать?

– Ага. – Огрид еле мог говорить. – Мне еще надо байк Сириусу оттащить. Д’зданья, профессор Макгонаголл... профессор Думбльдор, сэр.

Утирая ручьи слез рукавом куртки, Огрид оседлал мотоцикл и пнул стартер; машина с ревом взвилась в воздух и скрылась в ночи.

– Надеюсь, скоро увидимся, профессор Макгонаголл, – кивнул Думбльдор. В ответ профессор Макгонаголл высморкалась в платочек.

Думбльдор развернулся и пошел прочь по улице. На углу он остановился и вытащил серебристый мракёр. Щелкнул всего раз, и двенадцать световых шаров мгновенно вкатились в уличные фонари. Вся Бирючинная улица вдруг засветилась оранжевым, и стало видно, как вдали за угол скользнула полосатая кошка. На пороге дома № 4 едва виднелся маленький сверток.

– Удачи тебе, Гарри, – пробормотал Думбльдор, развернулся на каблуках, шелестнув плащом, и исчез.

Легкий ветерок шевелил аккуратно подстриженные кустики Бирючинной улицы, тихой и опрятной под чернильными небесами. Где угодно, только не здесь можно было ждать загадочных и удивительных дел. Гарри Поттер в одеяле повернулся на другой бок, но не проснулся. В пальчиках он сжимал письмо и спал крепко, не подозревая, что он особенный, что он знаменитый, не ведая, что через несколько часов ему предстоит проснуться от воплей миссис Дурслей, которая выйдет на крыльцо

с бутылками для молочника, и что следующие несколько недель его будет беспрерывно пихать и щипать двоюродный братец Дудли... Он не знал, что в это самое время люди по всей стране, собравшись на тайные празднества, поднимают бокалы и приглушенно восклицают: «За Гарри Поттера – мальчика, который остался жив!»